

Господа!

Нашими радостями, не имеющими в себе ничего пошлого, нашим близким общением с природой, нашей общей жизнью с дорогой мы основали новое и могущественное единение — франкмасонство открытого воздуха! Благодаря велосипеду, способствующему нашему сближению, когда только мы этого пожелаем, мы научились знать, уважать и любить друг друга, так как велосипед часто служит к устранению предрассудков и грустных недоразумений в наших личных отношениях! Велосипед дал новую формулу братского общения. Вот почему, несмотря на то, что искусство убивать друг друга и пользоваться велосипедом наравне с голубем и собакой — символами любви и верности, я пью за единение народов при помощи велосипеда — символа человеческой свободы!

**Тост, произнесенный
доктором Филиппом Тисье
на митинге велосипедистов в Бордо, 1895 г.**

• ХАНДИКАП

Пока запрягают лошадь, пока нанимают извозчика, пока едут до поезда и ждут его отхода, велосипед под управлением хорошего ездока уже летит по дороге к доктору, в аптеку, в пожарное или полицейское бюро. На велосипеде почти всегда можно достигнуть намеченной цели гораздо скорее, чем при всяком другом способе передвижения.

**Современный велосипед:
выбор его и применение. 1895, С.-Пб.**

• 1 •

Нет более терпеливого и неблагодарного жителя во всей Европе, чем обыватель петербургский. Характер его решительно испортила погода. Принужденный сносить морозы, дожди, ветры, наводнения и прочие ненастья, он так приучается отчаянно бранить непогоду во всех ее чудесах, что когда, наконец, выглядывает весеннее солнышко, измученный столичный житель не способен расправить крылья души своей и воспарить над серыми буднями. Непременно примется ворчать, что ветер силен или что облаков многовато, а значит, надо тащить на себе зонт, или придумает еще какие-ни-

будь глупейшие отговорки, чтобы только не радоваться наступившему погодыю. Однако и он, напялив теплую шляпу, чего доброго закутавшись шарфом, а может, и нацепив калоши, выбежит на Невский проспект, чтобы, жмурясь, как кот после спячки, прогуляться по его мостовым, наблюдая и разглядывая толпу соплеменников.

И есть на что посмотреть!

Петербургские дамы полагают святым долгом отметить долгожданный погожий денек разמודнейшим нарядом под изящной шляпкой — и с недовольным мужем под ручку, которого выволакивают, как медведя из берлоги. В солнечный день Невский расцветает особым восторгом. Сколько проносится взглядов, оценивающих и понимающих, завидующих и восхищенных, заигрывающих и намекающих, так что кажется: океан радости, любви и кокетства изливается из сердец теплой потокой с легким запашком страсти... Так ведь нет! И в этом пире жизни и буйстве моды наш мрачный критик найдет, чем быть недовольным. Что тут поделать: погоду, как и жену, не выбирают. Уж такой он, как есть: мрачный обличитель природы столичной мерки.

В июньский полдень 1895 года причины для недовольства атмосферой выискивать не пришлось бы и завязатому оптимисту. С безоблачного неба солнце палило с такой наглой нещадностью, что случившуюся жару иначе как «сенегальской» и назвать-то нельзя было. А ведь известно, что пекло в Сенегале страшное. Их местное население приучено коротать деньки под пальмами, а наш столичный обыватель стараниями Петра Великого пальм лишен напрочь, разве видит их в кадках по ресторанам, да баням, да гостиницам. Так что прятаться ему остается по дачам да квартирам.

В этот час Невский проспект, пыльный и плохо метенный, по обычному старанию дворников, пустел, как картина нерадивого живописца, которому лень пририсовать фигурку-другую. Редко-редко проходила дама в светлом платье, по моде сезона закрыв лицо белой вуалью, проезжал несчастный извозчик, пропаренный, как самоварный сапог, или пробегали по мелким делишкам служащие контор. Пустынен и раскален Невский в этот час. Да и кому охота, в самом деле, торчать в печке.

Городовой Ендрыкин, заступив на пост на углу Караванной улицы в восемь утра, к нынешнему часу умаялся так, что не мог и ногой пошевелить, хотя ему полагалось для наблюдения порядка делать обход на прилегаемой территории. Белая полотняная рубаша, пропитавшись потом, липла к телу мерзкой змеюкой, португеею оттягивала проклятая шашка, а летняя фуражка грела темечко не хуже ушанки. Ендрыкину было уже глубоко безразлично: шляются ли нищие попрошайки по парадному проспекту, проезжают ли обнаглевшие ломовые извозчики, орудуют ли карманники и цыганки. Выполнять охрану порядка как должно жара никак не позволяла, а проезда высочайших особ, к великому счастью, не предполагалось. А раз так, то и напрягаться нечего. Подперев угол дома, и без того прочный, Ендрыкин мог думать только о кружке холодного кваса или, на худой конец, — рюмке водки, хотя по такой жаре какая водка, в самом деле?

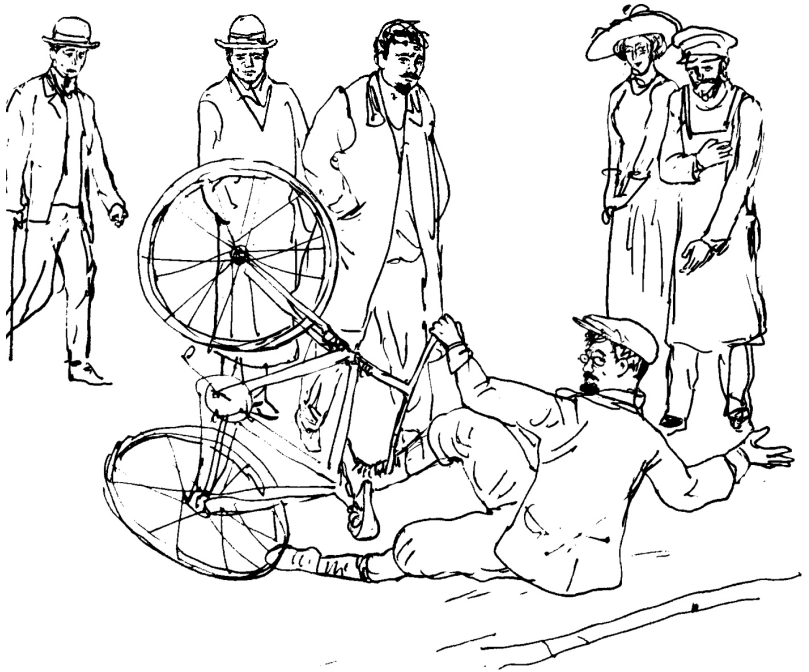
Разморенное спокойствие было нарушено отдельными криками скорее восторженного, а не подстрекательского свойства. Приподняв козырек и сощуриив осоловевшие очи, Ендрыкин оценил назревавшее происшеств-

вие. Неуверенно вертя колесами, по кромке тротуара ехало наимоднейшее чудо техники, последний писк городской моды и проклятье всех городских — двухколесный велосипед. Управлял рогатым транспортом прилично одетый господин в дорогом костюме, отличавшийся от прохожих высокими ботинками на шнуровке, гетрами и английским кепи, а также приятным, чуть задумчивым лицом, украшенным золотым пенсне.

Господин яростно добивался равновесия, пытаясь поймать его за хвост, но равновесие подло ускользало, отчего ездок лихорадочно дергал руль и петлял передним колесом, как заяц на травле. Ендрыкин, ненавидевший подобных субъектов, о которых господин градоначальник составил самое отрицательное мнение, вылившееся в строгие правила борьбы с велосипедами силами наружной полиции, сразу понял, что наездник сел в седло недавно и ездить толком не умеет. А проспект — не место для ученических художеств. Немедленно собравшаяся толпа зевак подбадривала велосипедиста разнообразными замечаниями, в которых одобрение болельщиков смешивалось с язвительными издевками над неумехой.

Между тем господин, отчаянно сражаясь с силой тяжести, неудачно вывернул руль, застыл в воздухе, как показалось гороховому, и со всей дури приложился об мостовую, успев широко раскинуть руки. Колеса взвились к небесам, толпа наградила трюк хором смешанных возгласов. Далее терпеть нарушение инструкций было невозможно, Ендрыкин оторвал взопревшую спину от теплого кирпича, намереваясь навести порядок.

Но в это мгновение внимание его привлек другой субъект. Был он росту не так чтобы крупного, чуть более двух аршин, одет как приказчик из мелкой лавки и отли-

чался ярко-рыжими патлами над обширной бородой. Внутренний опыт, который городской копит годами более-менее беспорочной службы, заставил Ендрыкина не отвести взгляд. Что-то показалось неправильным в невзрачном прохожем. Молодой человек носил бороду и усы и как-то уж слишком прямо держал спину, словно боялся уронить хрупкую вещь, и всматривался, не отводя глаз, в толпу вокруг упавшего велосипедиста. Стоял и стоял, не шевелясь, посреди улицы.

И тут от жары или чего другого Ендрыкину вдруг привиделось, что шляпная коробка, которую держал странный приказчик, сама собой дернулась как живая. Что бы это значило, городской сообразить не успел, потому что юноша на негнувшихся ногах повалился на бок, словно подрубленное дерево, и плашмя, со всего размаха, ударился головой о булыжники тротуара. Коробка грохнулась рядом. Ни звука боли или разочарования не послышалось.

Улица, мгновение назад пустынная, наполнилась прохожими, появившимися откуда ни возьмись. Обморочного обступили плотным кольцом. Посыпались советы и мнения, чья-то рука коснулась его спины, кто-то нагнулся ниже, чтобы рассмотреть его лицо, кто-то просил достать воды или хоть обдать свежим дуновением. Родились предположения, что у молодого человека обморок от духоты и прилива крови к голове. Появились и мнения насчет его трезвости. Как вдруг шляпная картонка, покойно пребывающая в пыли, резво дернулась и подскочила коломком. Нервные дамы, наказанные за любопытство, заверещали дурным визгом. Толпа отшатнулась.

Вконец осознав, что и на такой жаре пришла пора принимать меры, Ендрыкин засвистел ближайшему на-

парнику, показывая знаками, чтобы тот занялся велосипедистом, а сам подбежал к лежащему приказчику. Стараясь не смотреть на ожившую коробку, Ендрыкин коснулся шеи потерявшего чувства, надавил вену и не нашел пульса. Дыхания тоже не было. Как и признаков жизни. Можно не сомневаться, городской получил на свою голову самое гадкое, что может случиться на дежурстве: внезапный труп среди бела дня.

Прикрикнув на ротозеев, чтоб не толпились, Ендрыкин призвал на помощь городского с ближайшего поста. Требовалось скорее избавить улицу и восприимчивых прохожих от мертвого тела.

Несчастливого подняли за ноги и плечи, лицо закрыть было нечем, а загадочную поклажу уместили на животе. Надрываясь от тяжести, Ендрыкин обливался потом и поносил на чем свет стоит негодя, посмевшего умереть от жары на его участке, но так и не посмел взглянуть на коробку напрямик. Все ему казалось, что она живая и шевелится. Не иначе нечистая сила вселилась. Хотя откуда бы ей взяться на таком пекле.

• 2 •

Будь ее воля, Аграфена Прохоровна ни за что бы не сошла на улицу не высунула. Так бы и сидела перед открытым окошком, обмахиваясь да попивая морс. Так ведь упрямая кухарка вечно напутает: вот опять купила вместо муслина дешевейший ситчик. А как из ситца пошить достойное платье для обожаемой доченьки? Разумеется, никак. Закрываясь кружевным зонтиком, который

создавал дырявую иллюзию тени, мешанка и домовладелица Степанчикова, дама пышных форм и обширного сердца, покинула прохладный уголок и, только ступив на мостовую, излила все проклятья на голову глупой кухарки. Страдая от каждого шага, она кое-как добралась до Мучного переулка, где муки жары стали совершенно нестерпимы.

Достав фуляровый платочек, Аграфена Прохоровна принялась обильно обмахиваться и наблюдать по сторонам. В открытом окошке она заметила чиновника, усердно трудившегося над бумагами. Материнское сердце, даже измученное непогодой, сразу отметило молодого человека. Был он коренаст, крепок в плечах и чисто выбрит. Выражение лица имел строгое, но без заносчивости, черты хоть немного крупноватые, но не портившие общий молодцеватый вид. И вообще казалось, что юноша умен и солиден не по годам. От такого зятя мадам Степанчикова не отказалась бы. Сразу видно — человек надежный, солидный и старательный, и семью прокормит, и карьеру сделает, и жену любить будет, а уж тещу — тем более, куда ему деваться. Аграфена Прохоровна стала оглядывать здание, в котором обитает этакое сокровище, и, к досаде своей, определила: всего-навсего полицейский участок Казанской части. Достоинства возможного зятя резко поблекли в глазах домовладелицы, она вздохнула о своем, то есть о непристроенной доченьке, и направилась в лавку за материей.

А «сокровище» в окошке не подозревало, что его так быстро оценили и забраковали на предмет семейного счастья. Не заметил он не от отсутствия природной смекалки или наблюдательности, которых было предоста-

точно, а по заурадной причине огромной занятости: чиновник сосредоточенно писал в бумагах. Любопытный посетитель участка, да хоть мы с вами, не посмел бы беспокоить столь важное занятие без существенного повода. Но если бы нам хватило смелости заглянуть занятому чиновнику через плечо, то обнаружили бы, что на листке писчей бумаги равномерно появлялись чернильные кружки и тут же зачеркивались крест-накрест. Таким нехитрым способом молодой человек не столько изобразил усердие, сколько выпускал пар тихого бешенства.

Вот уже две недели как отбывал он ненавистную каторгу в этом участке... Ах да! Неприлично все же говорить о ком-то в абстрактном роде, не представив личную характеристику. Молодой человек был не по слову молод, ему не исполнилось еще и двадцати трех лет, что не помешало иметь уже чин десятого класса, то есть — коллежского секретаря. Происходил он из не очень богатой, но достойной фамилии, предок которой перебрался в Россию в конце восемнадцатого века из Баварии, был самых широких взглядов, в результате чего, а также трех поколений дедов и бабок в юноше оказалось намешено разнообразие кровей, что обычно дает незаурядные умственные способности. Фамилию юноша носил благозвучную, но редкую — Ванзаров, а крещен был Родионом. Отец его состоял на государственной службе по Министерству просвещения и не видел иного пути для своего младшего отпрыска, как последовать своему примеру. Так что Родион, окончив гимназию с отличием на два года раньше сверстников, отправился в Петербургский университет.

Короче говоря, знакомьтесь: Ванзаров, добрый мой приятель, родился на берегах Невы... Позвольте, где-то это уже было?.. Ну и ладно... Вернемся к Родиону.

К моменту окончания классической кафедры все профессора разве что не на коленях молились на молодое дарование, с трепетом восторга ожидая его академическую карьеру. И тут Родион выкинул фокус: лучший студент и надежда всей классической словесности, вместо того чтобы и дальше ломать зубы о гранит седой древности, взял и подал прошение в министерство. Ну еще бы в Министерство просвещения или уделов, так ведь нет! Паршивец подался служить в презируемое всеми культурными людьми Министерство внутренних дел. Ладно бы еще в канцелярию, так ведь сунулся в самое адское пекло, клоаку и оплот деспотизма — в Департамент полиции! Этого профессура простить не смогла, а потому навсегда вычеркнула Родиона из своих сердец.

Проклятие ученых мужей не помешало быстрой карьере. Он стремительно получил губернского секретаря, а затем — и коллежского. Впереди уже маячил титулярный советник. Усердного и толкового юношу приметил начальник департамента генерал-майор Петров и оказал ему должное покровительство. Но и здесь Родиону не сиделось на месте, он подал прошение о переводе... в сыскную полицию. Удивленный благодетель на всякий случай спросил: понимает ли юноша, куда суется? На что получил твердый ответ: дескать, хочет заниматься живым делом, а не бумагами. Начальник вздохнул и выписал предписание командировать в качестве чиновника для особых поручений.

С драгоценной бумагой Родион явился к начальнику сысской полиции статскому советнику Вошнину. Платон Сергеевич не имел и десятой доли таланта своего выдающегося предшественника — великого Путилина, но смекнул, что от юнца спокойной жизни не жди, станет совать нос куда не следует, а потому быстро спровадил Ванзарова с глаз долой прикомандированным чиновником от сысской полиции в 4-й участок Казанской части. И благополучно о нем забыл.

Горя желанием служить закону и истине, куда ни пошлут, Родион явился с рекомендательными бумагами к участковому приставу Вершинину-Гаку. Увидав столь резвую птицу, подполковник слегка струхнул. И не потому, что в его ведомстве были особые нарушения, так, по мелочи, кормился, чем мог, как и все. А потому, что человек новый, будет лезть в разные делишки, чего доброго вопросы задавать, и как себя поведет — кто его знает. Может, и вовсе все это прикрытие: новичок направлен с секретной проверкой или, еще хуже, — ревизией, которую устраивает тайный недоброжелатель пристава. В общем, Савелий Игнатьевич решил от греха подальше нагрузить молодчика работой по самые уши. Чтобы некогда было любопытничать.

И с этого момента Родион хлебнул по полной.

На него спихивали любую бытовую мелочь, какой даже в тихом центральном участке столицы предостаточно. Юный чиновник полиции был вынужден разбираться с кражей белья во дворе, с семейными скандалами, с пьяной дракой половых, с мелкой кражей в москательной лавке и подобными интереснейшими событиями.

А разве о таком он мечтал? Конечно, нет.

Родион стремился в сыскную полицию, чтобы разгадывать сложнейшие загадки, чтобы ловить и выводить на чистую воду хитроумных преступников, чтобы раскрывать мрачные тайны, и за всякой подобной романтической чушью. Короче говоря, чтобы воплотить мечту, которая тайно прорастала под фолиантами греческих и римских философов: стать сыщиком не менее знаменитым, чем английские, французские или немецкие образцы.

Столкнувшись с реальной жизнью, отличавшейся от иллюзий, юный Ванзаров искренно растерялся. Он готовился бороться с умными и сильными противниками, а пришлось иметь дело с пьяной голытьбой. Карьера великого сыщика, каким сам он считал себя в тайных глубинах души, столкнулась с непробиваемой стеной закрытой жизни. А ведь какие удивительные системы раскрытия преступлений бродили у него в мозгу, так бродили, что чуть не закипели. Какие новейшие приемы сыска и разоблачения он выдумывал. А где их применять? Не на краже же белья!

Через две недели такой пытки Родион затосковал ужасно. Сидя у распахнутого окна, что ничуть не освежало, он перебирал мрачные мысли, которые могут родиться только в юном возрасте, и не исключал даже бросить службу навсегда. Не получалось из него великого сыщика, имя которого прогремело бы по всей России и отголосками оглушило Европу. А еще коллеги по участку, завидуя и побаиваясь, отгородились холодным забором любезности, называя его исключительно по имени-отчеству, но за глаза насмехаясь и при любой возможности стараясь делать мелкие пакости, до кото-

рых чиновники большие мастера. Было от чего прийти в уныние.

Родион Георгиевич выписал очередной кружок, решительно зачеркнул его и посмотрел во двор участка. Старший городской Семенов, ростом превосходивший гвардейских кирасир, разделся по пояс, перекрестился и сунул голову в бочку гнилой воды, сберегаемую для пожара. Но руки соскользнули, и богатырь нырнул до дна, так что остались торчать сапоги. Поняв, что попал в западню, городской стал яростно сучить ножищами, пытаясь вырваться. Но только зря сотрясал горячий воздух. Того и гляди утонет в бочке. Ванзаров уже приподнялся, чтобы бежать на выручку, как вдруг Семенов дернулся изо всей силы, бочка качнулась и завалилась, как раз так, чтобы сапожищи утопленника нащупали землю. Мужик восстал во всю статью, низвергая водопад на засохший камень, скинул капкан и отфыркался не хуже лошади. Все этому народу нипочем.

Коллежского секретаря объяла тоска смертная. Так что не заметил, как в участок внесли что-то тяжелое, как поволокли куда-то вглубь, как городовые вылакали графин воды и убрались восвояси. Ванзаров очнулся, когда над ним склонилось улыбчивое лицо коллежского регистратора Матько — господина маленького роста с большой проплешиной на голове.

— Пострадавшего с Невского доставили, — дружеским тоном сообщил он. — Так господин пристав распорядились, чтобы вы, Родион Георгиевич, самолично занялись. Так сказать, передал пальму первенства. Вы же у нас для особых поручений, так сказать...

Чиновник подмигнул со значением и удалился, довольный мелочной пакостью, сунутой заносчивому выскочке.

Ванзаров сдержанно поблагодарил, нарисовал очередной кружок и вдавил стальное перо в стол так, что писчая головка издала жалобный треск.

● 3 ●

В каждом полицейском участке столицы имеется комнатка, в которой перевязывают раны, полученные в уличных происшествиях, смазывают зеленкой ушибы, при нужде могут вытащить занозу или остановить кровь, помочь потерявшим сознание от солнечного удара или обморожения, а уж на самый крайний случай — сделать укол или вынуть кость из горла. Причем не только у господ полицейских. В медицинской участка позволялось оказывать помощь всем несчастным, кто пострадал вне дома и не было средств или сил добраться до ближайшего частного врача или больницы. Лечили здесь плохо, но бесплатно, что иногда спасало жизнь.

Доставленному телу помощь не требовалась. Оно лежало тихо и мирно на хирургическом столе. Рыжая бородача топорчилась, огненные патлы торчали как иглы, а на живот кто-то водрузил громоздкую коробку изпод дамской шляпы. Только она и заслуживала внимания: обтянутая блестящим атласом в голубую полоску, сверкала, как дорогая шкатулка, скрывающая еще более дорогую игрушку для украшения дамской головки и воз-